

ПОНЯТИЯ "ОЧЕВИДНОСТЬ" И "ИСТИНА" В ФИЛОСОФИИ ИОАННА ДУНСА СКОТА

Автор: Д. В. Смирнов

Задачей данной статьи является проследить на конкретном историко-философском материале соотношение понятий "истина", "очевидность" и "достоверность", употребляемых применительно к различным видам познавательной деятельности человека. Выбор самого материала не случаен, поскольку в творчестве одного из наиболее значимых представителей поздней или "высокой" схоластики Иоанна Дунса Скота (1265 - 1308) переплетены как идущие от античности и развитые в средние века тенденции онтологической интерпретации человеческого познания, так и новые оригинальные идеи, многие из которых оказали серьезное влияние на дальнейшее развитие европейской философии. При этом преимущественный интерес для нас будет представлять учение Дунса Скота о научном познании, поскольку это позволит увидеть генезис научного подхода к миру и человеку в самом его истоке - как историческом, так и идейном.

В качестве направляющего указания мы возьмем то определение науки, которое предлагает Дунс Скот в одном из своих сочинений¹: "Я утверждаю, что наука (*scientia*) взятая в строгом смысле, включает в себя четыре [сущностные черты], а именно: (1) она должна быть достоверным познанием, без [всякого] обмана и сомнения; во-вторых, (2) она должна относиться к необходимому познаваемому; в-третьих, (3) она должна быть причинена причиной, очевидной для разума; в-четвертых, (4) она должна прилагаться к познаваемому посредством силлогизма или силлогистического рассуждения"².

Если попытаться выразить сказанное здесь Дунсом Скотом более емко, то можно выделить четыре момента, обязательные для любого знания, претендующего на научность: (1) достоверность, (2) необходимость, (3) очевидность, (4) последовательность или выводимость.

Дунс Скот различает две основные операции, которые способен производить человеческий разум. Первая, которая в схоластике традиционно называлась простым восприятием или простым пониманием (уразумением), предоставляет материал для мышления путем восприятия простых понятий (а строже - концептов) из чувственного мира или же из внутреннего опыта человека. Вторая - это утверждение согласия или несогласия между субъектом и предикатом. Выражением согласия является утвердительное суждение, выражением несогласия - отрицательное. Сам Дунс Скот говорит об этом так: "Разум... обладает двоякой деятельностью, а именно: пониманием (*intelligentiam*) простого и понима-

Смирнов Дмитрий Владимирович - аспирант Сектора методологии и этики науки Института философии РАН. В журнале "Человек" публикуется впервые.

¹ Сочинения Дунса Скота цитируются по двум изданиям, обозначаемым сокращениями: EdVat (*Editio Vaticana*) = *Opera Omnia. Civitas Vaticana*, 1950 - ; EdWad (*Editio Waddingi*) = *Opera Omnia / Ed. L. Wadding. Lyon*, 1639; *Hildesheim*, 1968, 12 vol.

² *Ioannes Duns Scotus. Ordinatio* (далее: *Ord.*). *Prologus. Pars 4. Quaestio 1 - 2 // EdVat. Vol. 1. P. 141.*

нием сложного, то есть [умением] складывать и делить понятие"³. В другом сочинении Дунс Скот, ссылаясь на Аристотеля, указывает на две различные способности разума, добавляя к ним третью - способность выстраивать аргументацию, то есть переходить от одних суждений к другим: "Первая деятельность разума... - это восприятие простого, за ним следует сложение как второй акт и аргументирование как третий акт"⁴.

Истина в ее формальном смысле может быть обнаружена только во второй и третьей из названных способностей разума, тогда как в случае первой позволено говорить лишь о материальной истине. Чтобы углубить понимание этого различия, обратимся к словам Дунса Скота, который о истине восприятия говорит так: "Первая деятельность разума всегда истинна, даже если она следует за ошибающимся чувством; ведь если зрение воспринимает как белое то, что на деле черное, то [в разуме] при этом формируется такое же понятие белизны, какое было бы, если бы белизна воспринималась зрением, действительно видящим белое. Это так, поскольку вполне достаточно, чтобы вид (*species*), действительно представляющий белое, достиг разума, для того чтобы белое могло быть воспринято простым восприятием"⁵. Итак, простое восприятие разума всегда истинно, независимо от того, основывается ли оно на истинном или ложном чувственном восприятии.

Вместе с тем, даже будучи истинным, первое восприятие разума не способно знать или постигать *саму истину* и *истинность* чего-либо. Как говорит Дунс Скот в одном из своих сочинений со ссылкой на Аристотеля, простой разум и чувства - это нечто "измеряемое" при своем контакте с вещами, так что простое восприятие разума наравне с чувственным может быть названо истинным просто потому, что оно верно соответствует своей мере. Чувства и простой разум могут быть истинны сами, но никогда не познают данную (то есть даже свою собственную) истинность: "Итак, пусть чувство называется истинным, равно как и [простой] разум, вследствие соответствия своей мере, однако само по себе чувство не познает своего соответствия тому, что оно познает; то есть не познает, что оно соответствует подлежащему его познанию. То же самое верно и в отношении простого разума... Простой разум истинен, хотя и не познает истинное, поскольку познавать истинное означает познавать сообразность разума вещи. Разум же может делать это лишь тогда, когда он судит о том, что с этой вещью дело обстоит именно так, а значит - складывает и делит; поэтому никакой разум, кроме складывающего и делящего, не способен познавать истинное"⁶.

³ Idem. Quaestiones Quodlibetales. Quaestio 14. 3 // EdWad. Vol. 12. P. 350.

⁴ Idem. Quaestiones in Metaphysicam (далее: Metaph.). Liber 1. Quaestio 4. 4 // Ed-Wad. Vol. 4. P. 530.

⁵ Ibid. Q. 4. 14 // Ibid. P. 533.

⁶ Idem. Quaestiones in duos libros Perihermenias. Q. 3. 3 // EdWad. Vol. 1. P. 215 - 216.

Итак, истина в формальном смысле, то есть как нечто противостоящее заблуждению, как свойство суждения, - это исключительная прерогатива складывающего и делящего разума. Истина в этом смысле может быть обнаружена в утвердительных или отрицательных суждениях разума и только в них. Когда мы говорим, что разум нечто складывает или делит, то мы подразумеваем высказывания: "Это так в действительности" или "Это не так в действительности". Именно в таких высказываниях,

стр. 86

сопоставляющих некое понятие с действительностью, и присутствует истина в строгом смысле слова. Когда разум высказывает суждение о чем-то, он высказывает суждение о положении дел в реальности. Именно это пытается подчеркнуть Дунс Скот: "Складывающий разум познает свое соответствие вещи. Поэтому [когда мы говорим], что разум складывает или делит, это означает, что разум выносит суждение, что в вещи нечто так или не так, как вещь соответствует разуму. Ведь разум складывает не благодаря тому, что говорит, будто один уразумеваемый вид есть другой, но благодаря тому, что выносит суждение, что [нечто] в вещи [именно] так, как разум соотносится с вещью. Все, о чем разум судит как о том, что есть, он складывает с тем, как [обстоит дело] в самой вещи"⁷.

Истина оказывается здесь, с одной стороны, чем-то вроде свойства взаимосоотнесения восприятий, а с другой - верным соотношением постепенно формирующегося из простых восприятий сложного понятия о данной в этих восприятиях вещи. Поэтому истина не зависит только от объекта, но и не является произвольной конструкцией познающего субъекта. Она есть прежде всего верное *отношение*: "Второй акт не является присущим чему-либо в абсолютном смысле, как первый; но он есть сравнивающий акт, присущий одному понятию в его соотношении с другим; и за ним по необходимости следует или ему сопутствует некое умственное отношение"⁸. В отличие от простого восприятия, где разум и вещь находятся один на один и вступают во взаимоотношение, во втором акте отношение усложняется: вещь как бы делится пополам - на нее саму и на противостоящее ей другое, сравниваемое с ней и предидируемое ей. С другой стороны, вещь в понятии ставится в определенное соотношение с реальной вещью. Разум пытается как бы дать себе отчет в том, что ему удалось понять в вещи при встрече с ней, а что все еще остается для него загадкой. В этом смысле истина сложного суждения есть осознание своей верной соотношенности с вещью. Поэтому она сущностно зависит лишь от реального состояния объекта, степени его "открытости" и "схватываемости", что позволяет Дунсу Скоту заявить: "Истина разума зависит только от одного объекта, так что если объект существует так, как он мыслится, то понимание истинно"⁹. Истина зависит лишь от одного объекта, то есть от того, насколько ясно и ярко он предстает разуму, - то есть от его *очевидности*, видимости глазам, как телесным, так и разумным. Истина как простое восприятие есть первичное видение объекта так, как он предстает; истина как свойство сложных суждений есть многократное "просматривание" и "разглядывание" объекта с целью убедиться - а так ли он предстал, как я его увидел? Процесс познания тем самым превращается в реальный заинтересованный *диалог*, причем вовсе не стоит смущаться кажущейся безгласностью одного из его участников: в действительности вещи говорят столь многое, что даже малейшую из них можно слушать бесконечно.

Для Дунса Скота несомненно как наличие определенного объективного мира, так и то, что всякое человеческое суждение, претендующее на истину, должно соотноситься с этим миром, вскрывать его внутренние связи. Вне взаимоотношения с миром ни о какой истине

говорить не приходится. Но само это взаимоотношение оказывается камнем преткновения: если в формировании первичных понятий нет лжи, то она должна неким образом появляться во втором акте - сложения и деления, то есть по сути акте суждения, а значит - речи. На это указывает сам Дунс Скот, цитируя Аристотеля: "В зависимости от того, что есть или не есть вещь, речь называется истинной или ложной"¹⁰. Ложь впервые появляется не в восприятии, но в оказывании, в попытке передать, обработать. Можно сказать, что ложь в этом смысле есть *иная истина*,

⁷ Ibidem.

⁸ Idem. Metaph. L. 6. Q. 3. 13 // EdWad. Vol. 4. P. 669.

⁹ Idem. Ord. Liber 1. Distinctio 48. Q. 1 // EdVat. Vol. 6. P. 388.

¹⁰ Ibid. L 4. D. 50. Q. 6 // EdWad. Vol. 10. P. 651.

нечто соответствующее не той реальности, которой она ставится в соответствие. Не случайно определение Дунсом Скотом ошибки и заблуждения звучит незамысловато и просто: "Мыслящий вещь иначе, чем [она] есть, заблуждается"¹¹. При всей своей простоте эти слова ведут к целому ряду сложнейших вопросов, связанных прежде всего с тем, как можно мыслить вещь иначе, чем она предстает, где именно в процессе восприятия может возникнуть заблуждение и как узнать, что ты мыслишь вещь иначе (ведь всякое представление о вещи базируется на внутренней уверенности о соответствии реальности).

Однако сейчас нас интересует не проблема лжи и истины, а проблема истины и истины - истины вещи и истины понятия или суждения о вещи. Мы уже увидели, что обе истины выводят нас к заявленному выше вопросу об очевидности. Вопрос об очевидности - это вопрос об основании истины, о том, *что* делает человеческий разум способным познавать истину.

Очевидность также может пониматься двояко. Уже само слово указывает на это: "я смотрю, вижу" - и одновременно: "нечто видится, предстает как видимое". Различию между субъективной и объективной истиной соответствует различие между субъективной и объективной очевидностью.

Дунс Скот указывает на эту взаимосвязь, говоря о той самой истинности, которая, согласно Аристотелю, тождественна сущести вещи: "Та истина, о которой говорит Философ во второй книге "Метафизики", должна пониматься как очевидность вещи самой по себе или как ее собственная уразумеваемость"¹². Тем самым он ясно заявляет: очевидность - прежде всего объективное свойство или качество вещей. Вещи очевидны в силу самой своей сущести. Они сущи, и это уже предполагает, что они неким образом явлены. Дунс Скот ясно указывает на подобную очевидность и явленность как онтическое свойство вещей. Даже если бы актуально не существовало никакого познающего разума, познаваемость (или явленность, *manifestabilitas*) вещей ничуть не уменьшилась бы: "Даже если бы не было никакого разума, все же какая угодно вещь в соответствии со степенью своей сущести была бы от природы способна являть себя; и это именно то знание, благодаря которому вещь

называется известной по природе; не из-за того, что природа познает ее, но поскольку она от природы способна познаваться более или менее совершенно в зависимости от [своей] большей или меньшей явленности"¹³. Дуне Скот говорит об абсолютной (то есть безотносительной) очевидности и явленности, но в то же время сразу ставит эту явленность в некое отношение к знанию, то есть к познающему разуму. Что означает эта кажущаяся двойственность? Здесь важно принять во внимание различие смыслов "явленности" и "открытости". И то и другое есть свойства сущего, но если первая безотносительна, то вторая предполагает некое отношение. Вещь может являться, "сиять", даже если никто не замечает этого сияния, но ее раскрытие, даже самораскрытие, предполагает открывающего. Именно связка "истина-очевидность" пролагает мост между миром и человеком, и Дунс Скот, строя свое учение об очевидности, отчетливо сознавал это. Явленность вещи должна быть воспринята, открыта разумом, чтобы стать истиной во всей полноте. Субъект и объект существуют независимо, но это чисто рациональная независимость, поскольку в реальности они всегда взаимонаправлены, интенционально стремятся друг к другу.

Теологической предпосылкой, неявно определяющей такое представление о познании, является вера в то, что все вещи уже увидены однажды в полноте своей истинности, увидены взором создавшего их Творца, и именно это чистое видение есть полагание их реального существования. Богоподобное видение человеческого разума тоже полагает

¹¹ Ibidem.

¹² Ibid. L 1. D. 3. P. 1. Q. 2 // EdVat. Vol. 3. P. 63.

¹³ Idem. Metaph. L. 6. Q. 3. 5 // EdWad. Vol. 4. P. 666.

вещи, тоже приводит их существо к существованию - но не реальному, а рациональному, умственному. Вещи, претворяясь в человеческом сознании, существуют в нем как виды (*species*), обретают свое второе постоянство - постоянство памяти и воспоминания.

Итак, мы видим две истины и два акта познания. В первом Бог познает (видит, воображает, выводит в образ) свой вид, идею (*species*), и по ней творится вещь, обретая свою истинность, то есть открытость для взорающего. Во втором акте человек, воспринимая явленность реальной вещи, претворяет ее в уразумеваемый вид (*species intelligibilis*), возвращая реальность к идеальности. Так теологически замыкается полнота мира. Творение возвращается к Творцу, будучи пре-творено, *увидев* само себя.

Однако вернемся к вопросу об очевидности. Явленность вещи допускает различные степени. Речь идет о более или менее совершенной явленности, равно как и большей или меньшей способности воспринимать

эту явленность. Совершеннейшую и полнейшую явленность вещи могут иметь лишь по отношению к разуму, который не воспринимает, а задает их истинность, бытийную

полноту, то есть к божественному разуму.

Иначе обстоит дело с человеческим разумом. Он действительно богоподобен, но все же - лишь *подобен*. Дунс Скот полагал, что если и существует некое достоверное познание, то оно может относиться исключительно к материальному, чувственному миру. Это может показаться парадоксальным, если забыть о различных предпосылках подобного утверждения. Для Дунса Скота нынешнее состояние человеческого разума, прикованного к чувственности - не что иное, как результат грехопадения, повреждения изначальной полноты божественных способностей человека. По своему устройению человек может познавать все сущее, - все, без исключения, материальное и нематериальное, тварное и нетварное¹⁴, все открыто для человека. Лишь грех связал его познавательную способность исключительно с чувственным миром, и потому задача его - не углубляться в познание чувственного, но попытаться увидеть за ним иное, родное для человека, но ныне недоступное ему.

Для человека в нынешнем его состоянии *очевидна* лишь чувственная сторона вещей, и только по ней он может предположить, что в вещах есть еще что-то, не уловимое глазами и ушами. Чем более чувственны вещи, тем более они очевидны для человека, тем легче ему узреть и высказать их истину. Чем более сложны вещи, чем более в них форма доминирует над материей, тем более спутанными и подверженными заблуждению становятся суждения человека.

Дунс Скот настаивал на том, что все вещи настолько истинны, насколько сущи. Однако, переходя к вопросу о познании, которое есть улавливание открытости истины, он поправляет свое суждение, применяя его к нынешнему состоянию человека: "Нет необходимости, чтобы как вещь относится к сущести, так же она относилась и к познаваемости. [Это возможно], лишь если она познается таким разумом, который созерцает все уразумеваемое в соответствии с собственной степенью уразумеваемости этого. Наш разум не таков, но более всего познает чувственное"¹⁵. Итак, вещь истинна настолько, насколько она суща, поэтому познать ее истину означает познать всю в целом очевидность ее существования. Но к этому неспособен человеческий разум, ограниченный чувственным миром, то есть только одной гранью вещей. В идеале вещь очевидна настолько, насколько она истинна. Истина и очевидность совпадают, а потому разум свободно познает все, к чему он обращается. Но в нынешней реальности вещи обладают различной степенью очевидности, а значит - различно даны познающему субъекту.

Помимо объективной составляющей очевидности, находящейся в тесной связи с объективной истиной как несокрытостью, существует и субъективная очевидность, которая в свою очередь связана с другой гранью истины - достоверностью. Она обычно обозначается Дунсом Скотом при помощи терминов "очевидное знание" (где "знание" как раз и указывает на субъективность) или "очевидная достоверность" (*evidens certitudo*)¹⁶. Очевидным следует считать такое субъективное знание, которое обладает полным содержанием своего объекта и находится в истинностном соотношении с вещью, представляющей себя разуму в своей объективной познаваемости-явленности. Когда мы говорим, что знание очевидно, мы предполагаем, что оно формируется (и соответственно высказывается) на основании объективной очевидности и в зависимости от нее.

Текст Дунса Скота, приводимый П. Виром¹⁷, поможет лучше понять природу очевидного знания и его связь с понятием "достоверность": "В отношении авторитетного суждения

¹⁴ Это является следствием разработанного Дунсом Скотом учения об унивокальной предикации сущего, теснейшим образом связанного с проблемами познания.

¹⁵ Idem. Ord. L. 1. P. 1. D. 3. Q. 2 // EdVat. Vol. 3. P. 64.

¹⁶ Ibid. Prologus. P. 4. Q. 1 - 2 // EdVat. Vol. 1. P. 145.

¹⁷ Vier P. C. Evidence and its Function according to John Duns Scot. The Franciscan Institute St. Bonaventure, N. Y., 1951. P. 42 - 43.

стр. 90

упомянутая наука¹⁸ является отчетливым знанием (*distincta notitia*), но не знанием безусловно очевидным (*simpliciter evidens*), поскольку оно не достигает отчетливого знания о субъекте, присутствующем самом по себе (*in se*)¹⁹. Из данного высказывания путем несложных логических операций Вир получает определение очевидного знания: "Очевидное знание - это отчетливое знание о субъекте, присутствующем самом по себе"²⁰. На основании этого описания можно выделить как субъективное, так и объективное условия наличия очевидного знания. Объективным будет (1) присутствие объекта, причем присутствие *самого по себе*, "в себе"; субъективным - (2) отчетливость познания.

Итак, (1) объект познания должен *присутствовать*. Здесь понятие "объект познания" включает в себя не только реально существующие вещи, но также и воображаемые предметы, логические структуры, объекты спекулятивных наук и т.п. Соответственно, для каждого рода объектов существует свой род присутствия. Спекулятивные объекты (например, объекты математики) не могут и не должны присутствовать в материальном смысле, поскольку они существуют нематериально; в таком случае присутствие объекта состоит просто в том, что он с достаточной ясностью воспринимается разумом, то есть присутствует для разума со всей возможной полнотой его условий и вытекающих из него следствий.

В случае с науками и знаниями, связанными с контингентными вещами (а таково практически все повседневное знание человека), невоз-

¹⁸ То есть теология.

¹⁹ Ioannes Duns Scotus. Reportata Parisiensia. Prologus. Q. 2. 18 // EdWad. Vol. 11. P. 19.

²⁰ Vier. Op. cit. P. 42.

стр. 91

можно вынести какое-либо истинное суждение, если не наличествует прямое и непосредственное восприятие актуального отношения между субъектом и предикатом. Согласно Дунсу Скоту, подобная связь воспринимается в познании особого рода, которое

он называет "интуитивным". Благодаря способности к интуитивному познанию человеческий разум может воспринимать вещи в их экзистенциальном аспекте, как существующие "здесь и сейчас", "присутствующие". Дунс Скот неоднократно употребляет слово "присутствие" при описании интуитивного познавательного акта как одно из его условий.

Из анализа интуитивного познания²¹ можно сделать однозначный вывод, что именно интуитивный познавательный акт является определяющей предпосылкой очевидного познания контингентного. Отчетливое и очевидное знание об объекте формируется на основе его отчетливого присутствия, а последнее может быть схвачено исключительно в акте интуиции. Чтобы исключить всякие сомнения в теснейшей связи очевид-

²¹ Подобный анализ был проведен в работе: Day S. J. *Intuitive Cognition: A Key to the Significance of the Later Scholastics*. The Franciscan Institute St. Bonaventure: N. Y., 1947.

ности с интуитивным познанием, можно сослаться на один текст, где указанное соотношение между ними проговаривается весьма четко: "Если бы те вещи, о которых говорит Писание, были воспринимаемыми ясно и интуитивно, то они порождали бы достоверное знание без всякого сомнения, и подобное знание, поскольку оно очевидно, называлось бы наукой"²². Данная цитата указывает на то, что очевидность знания должна иметь своим необходимым условием интуитивное восприятие объекта этого знания, что возможно лишь в случае присутствия этого объекта, его достижимости для познающего.

Согласно Дунсу Скоту, прежде всего познаются интуитивно и присутствуют сами по себе для человека его внутренние ментальные и эмоциональные состояния и акты, в том числе содержания мыслительных актов. Это делает возможным факт рефлексии, да и вообще любую верификацию, любое удостоверение истинности. Очевидность подобных объектов Дунс Скот считает столь высокой, что даже называет их иногда "самоочевидными", то есть непосредственно очевидными, ни в чем ином для своей очевидности не нуждающимися. Глубинная связь очевидности и присутствия *самого* объекта здесь налицо.

Что касается материальных вещей, то для их очевидного (то есть интуитивного) познания требуется, чтобы они актуально присутствовали для чувств познающего. Присутствие здесь понимается чисто физически - чувства должны быть способны войти в контакт с объектом: "Чувство не воспринимает ничего, кроме присутствующего, и потому само собой познает, что имеет нечто [предметом], лишь когда это нечто присутствует"²³. Отвечая на традиционное возражение о том, что чувства часто ошибаются, принимая за присутствующее то, что вовсе не присутствует, и потому неразумно полагаться на их очевидность, Дунс Скот вовсе не пытается оспорить данное положение. Он просто отсылает к тому факту, что в разум человека встроен постоянно действующий механизм рефлексии, который способен легко выявить ошибку чувств²⁴. Благодаря этому даже от ошибочных чувственных данных человек может приходиться к верным заключениям.

Обратимся теперь к субъективному условию (2), а именно к требованию отчетливости очевидного знания. Традиционно в схоластике понятие "отчетливого знания" (*notitia distincta*) связывалось с определением объекта, то есть понималось в смысле отчетливого

субъективного восприятия всех сущностных частей объекта. Подобное понимание подходит и для той отчетливости познания, о которой говорит Дунс Скот, но лишь отчасти, поскольку часто в его сочинениях встречаются указания на очевидность положений, складывающихся из смутно (а не отчетливо) познанных терминов. Это заставляет исследователей творчества Дунса Скота предполагать²⁵, что он имеет в виду более широкий смысл отчетливости и не противопоставляет определенное познание неопределенному, а сопоставляет различные степени внутри самой отчетливости. Прежде всего, в отчетливом познании сингулярное противопоставляется универсальному, то есть познается данная конкретная вещь, а не некая совокупность схожих вещей. Далее, объект, познаваемый отчетливо, воспринимается в его собственной форме и образе, так что он может без труда быть отличён от окружающих его и схожих с ним объектов. Отчетливость познания понимается скорее в смысле отличаемости от иного, чем в смысле исчерпания сущностной полноты вещи, что до конца вообще недоступно человеку. Понятно, что всякий объект существует на некоем "фоне" и отделяется от него, поэтому в случае большего или меньшего смещения одного объекта с другими, когда его образ и очертания не могут быть отвлечены от них, мы не можем говорить о его отчетливом присутствии, но лишь о неотчетливом, смешанном или смут-

²² Ioannes Duns Scotus. Ordinatio. L. 3. D. 24. Q. 1. 17 // Ed Wad. Vol. 7. P. 485 (данный текст в современном критическом издании опущен как позднейшая вставка).

²³ Idem. Metaph. L. 1. Q. 4. 23 // EdWad. Vol. 4. P. 536.

²⁴ См., напр.: Ibid. Q. 4. 24 // Ibidem.

²⁵ См.: Vier. Op. cit. P. 51 - 53.

ном (confusus). Это неотчетливое присутствие объекта препятствует его отчетливому восприятию. Соответственно, невозможным оказывается **и очевидное знание о таком объекте. Подобная отчетливость восприятия** (будь то чувственного или разумного) зависит не столько от самого объекта, сколько от большего или меньшего внимания познающего субъекта к тому или иному аспекту познаваемого объекта.

Заканчивая разговор об очевидности, следует указать на то, что собственно и делает ее основанием научной достоверности. Само по себе очевидное восприятие, согласно Дунсу Скоту, не может служить таким условием, но им является *необходимость* данного восприятия, а как следствие - необходимость для разума принятия очевидной истины.

Что касается необходимости восприятия присутствующего с очевидностью объекта, то она, по мысли Дунса Скота, вытекает из природы разума как естественной способности человека. Дунс Скот рассматривал акт познания как результат двойной причинности, со стороны объекта и со стороны разума, причем разум обладает первичностью в причинении. Можно увидеть, что очевидное знание не является результатом одного лишь воздействия объекта на разум, но есть результат *взаимодействия* объекта и разума²⁶. Однако это взаимодействие не задается разумом: как только объект появляется перед ним, как только начинается процесс восприятия, разум уже не волен выбирать, как ему

воспринимать данный объект. Он воспринимает его так, как этот объект являет себя, стремясь к тому, чтобы внутренняя очевидность познания как можно более соответствовала внешней очевидности объекта. Говоря коротко, в идеальном случае разум воспринимает объект в той самой мере, в которой тот являет себя. Причем это происходит с необходимостью при соприкосновении разума и объекта.

Для понимания связи очевидности с истиной-достоверностью важно зафиксировать следующее. Вступив в когнитивный акт, разум действует в нем как не-свободный деятель, он непосредственно определяется объективным положением дел, так что оказывается неспособным выбирать, как именно познавать объект. Он просто *видит* его во всей полноте последнего: "Поскольку разум является естественной, а не свободной потенцией, при действии объекта разум действует насколько может; итак, если объект со своей стороны действует, являя себя, то не во власти разума нечто являемое ему увидеть, а нечто не увидеть"²⁷.

Мы не можем в рамках данной статьи углубляться в эту проблематику, поэтому лишь приведем в качестве дополнительной иллюстрации слова одного из исследователей философии Дунса Скота: "Утверждение бытия (сущего) в силу самого его присутствия делает неуместной альтернативу: "Сущее есть, либо его нет". Присутствие сущего для него самого и для разума подвигает к утверждению этого самого присутствия. Будучи не в состоянии избавиться от "давления" этого присутствия, разум, желая или не желая этого, вынужден подчиниться очевидности. Именно отсюда проистекает высочайшая степень достоверности [подобного знания]... Когда мы говорим: "Я есть, солнце есть, эти цветы есть", мы несомненно выражаем истину. Ведь мы не утверждаем ничего, кроме того, что очевидно сразу, с первого взгляда, то есть кроме присутствия сущего"²⁸.

Как восприятие истины определяется очевидностью, точно так же согласие с истиной, которое непосредственно следует в разуме за ее восприятием, определяется объективной очевидностью воспринятой разумом истины: "Разум соглашается с чем-либо истинным сообразно очевидности самого этого истинного, которую оно порождает относительно себя в разуме"²⁹. Итак, разум соглашается с истиной в полном соответствии с явленностью последней в вещи, то есть с очевидностью вещи. Если очевидность наличествует, сам факт ее наличия вынуждает разум

²⁶ Подробнее см.: Messner R. Schauendes und begriffliches Erkennen nach Duns Scotus. Freiburg, 1942. P. 18 - 27.

²⁷ Ioannes Duns Scotus. Ord. L 1. P. 1. D. 1. Q. 2 // EdVat. Vol. 2. P. 35.

²⁸ Belmond S. Le fondement de la certitude // Etudes Franciscaines. P., 1939. T. 51. P. 415.

²⁹ Ioannes Duns Scotus. Ord. L. 1. P. 1. D. 1. Q. 1 // EdVat. Vol. 2. P. 16.

признать, утвердить истину. По мнению Дунса Скота, даже степень согласия с очевидной истиной находится вовсе не во власти разума, но строго пропорциональна очевидности (или уразумеваемости, явленности) объекта: "Не во власти разума соглашаться с истиной в большей или меньшей степени, но [это происходит] лишь соразмерно самому истинному,

подвигающему разум [к согласию]"³⁰.

Именно последняя из выделенных нами особенностей очевидного познания - необходимое согласие разума с явленной ему истиной - прокладывает путь к заключительному предмету нашего рассмотрения - к достоверности. Из предшествующего изложения выявилось, что достоверность есть некое качество познания (причем преимущественно научного познания), которое предполагает отсутствие обмана и сомнения³¹. Другими словами, достоверное познание разом исключает как объективную ложность или ошибку (когда нечто является не таким, каково оно), так и те виды познания, которые неспособны обеспечить субъективную уверенность в актуальном обладании истиной.

Из ряда мест в различных произведениях Дунса Скота можно сделать однозначный вывод: достоверность есть сообразность познания с познанной вещью, верное соответствие, соизмеренность. По мысли Дунса Скота, у человека легко может возникнуть уверенность в чем-либо ложном, но ничто ложное не может обладать объективной достоверностью, которая основывается на соотношении субъективной и объективной очевидности и потому всегда есть не просто уверенность, но уверенность *в истине*.

Подлинная достоверность, как и подлинная очевидность, всегда соединяет в себе субъективный и объективный элементы, причем последний производит первый. Отличие достоверности от очевидности лишь в том, что очевидность представляет истину для восприятия, тогда как достоверность выносит суждение о воспринятой истине. Поэтому подлинная досто-

³⁰ Ibidem.

³¹ Позднее именно такое представление о достоверности активно использовалось Р. Декартом.

верность может иметь место лишь там, где имеются суждения, которые являются истинными сами по себе и познаются как истинные. Достоверность в этом смысле есть финальная стадия процесса познания, в которой разум предоставляет сам себе отчет в истинности познанного. Не случайно достоверность теснейшим образом связывается Дунсом Скотом с рефлексивной функцией разума, ведь только путем рефлексии разум может убедиться в истинности своего собственного познания. Истина любого сложного положения постигается через соотнесение его с объектом, о котором высказывается суждение, и одновременно - через сравнение постулируемого в высказывании отношения со входящими в него простыми понятиями. Иначе говоря, мышление должно постоянно рефлексивно проверяться простыми восприятиями, на основании которых оно осуществляется. Лишь в этом случае оно может претендовать на истинность.

Итак, всякая достоверность в конечном счете зависит от непосредственного контакта с определенным объектом познания и основывается на учении о том, что всякий объект обладает способностью делать самого себя познанным. Именно последнее утверждение необходимо допустить, если мы вместе с Дунсом Скотом будем предполагать, что человек вообще способен иметь некое истинное познание. Согласно Дунсу Скоту, единственный способ избежать полного скептицизма в вопросе об истине как раз и состоит в том, чтобы

найти некое самостоятельное и ни к чему не сводимое основание истины и достоверности. Здесь приходится выбирать между двумя альтернативами: либо бесконечный регресс верификаций и как следствие этого - скептицизм, либо остановка на некоем предельном и несомненном критерии истины. Дунс Скот выбирает последнее, утверждая, что существует подобное абсолютно надежное основание истины и достоверности, которому не нужно никакого подтверждения, кроме его самого. Именно это основание он и называет очевидностью.

В статье мы попытались указать на основные структурные моменты и следствия введения очевидности как предельного основания познания, а также вскрыть внутреннюю связь, устанавливаемую Дунсом Скотом между понятиями "истина" и "очевидность". Разработка этой проблемной области может быть продолжена, и дальнейший путь указывает сам Дунс Скот. Он разделяет объекты верификации на три основных рода (первые принципы и начала, заключения на основании первоначал, контингентные суждения), к каждому из которых понятие "очевидность" прилагается своим особенным образом. Отдельного рассмотрения требует и тесно связанное с идеей очевидности разделение познания на чувственное (то есть происходящее при помощи органов чувств), разумное (то есть хотя и основанное на первично чувственном материале, однако в своем развитии независимое от чувств, как, например, математика) и интроспективное (то есть познание человеком своих внутренних актов и состояний, содержаний своего сознания).

Актуальность мысли Дунса Скота для сегодняшнего человека, занятого вопросами о своих связях с окружающим его миром, в том числе когнитивных связях, определяется не столько конкретными решениями узких проблем теории познания, многие из которых выглядят архаично, сложно и слишком отвлеченно, сколько значимостью многих общих установок этого мыслителя. То внимание, которое Дунс Скот уделяет понятию "очевидность", указывает на важность для него непосредственного переживания человеком нахождения в мире и связи со всеми окружающими его вещами. Хотя конкретные решения эпистемологических вопросов вполне могут устареть, свойственная теории познания Дунса Скота нацеленность на динамическое понимание когнитивной взаимосвязи человека и вещей остается востребованной и сегодняшним философским мышлением о человеке и его "бытии в мире".